

Майя Крылова

«КЛАСС экспрессивной пластики», восемь лет существовавший при «Школе драматического искусства» Анатолия Васильева, ныне вышел в «свободное плавание». Мучаясь в попытках утвердить юридическую, а не только фактическую самостоятельность своего коллектива, найти постоянную сцену, средства для дальнейшей работы и оплаты актерского труда, руководитель труппы Геннадий Абрамов одновременно выпускает премьеру. Обо всем этом он поведал на пресс-конференции, состоявшейся сразу же после первого показа спектакля «Кровать». Это, кстати, была одна из редких пресс-конференций, на которой не хочется зевать, а хочется внима-

брюки, средневековые шляпы, вязаные головные сетки, — можно на любом уровне. Уровень (или по формулировке Абрамова «экстремальную ситуацию») задает зритель — в силу своих пристрастий и образованности. Артисты Абрамова играют отстраненно, по системе «четвертой стены»; впуская зрителей в свой мир, они точно позволяют им «подглядеть» — и тем самым создают семиотическое поле, в котором каждая трактовка будет абсолютно уместна.

Абрамов строит смысловую вертикаль, которая основанием — в приметах социума, а вершиной — за облаками. Те, кто не воспринимает «Кровать» как тотальный текст без поисков контекста (а таких зрителей тоже было много, несмотря на кончину постмодернизма), видят в вертикали «Кровати» (сужу по проведенному мною блиц-опро-

«КРОВАТЬ» *Независимая сц. 1999. - 11 февр. - с. 7* В СВОБОДНОМ ПЛАВАНИИ

Новый пластический спектакль Геннадия Абрамова

Все действие спектакля «Кровать» очень четко разворачивается вокруг и на самой кровати. Фото Артема Житенева (НГ-фото)

тельно слушать. Так продуманно-творчески говорил о своем кредо Геннадий Михайлович Абрамов, заинтересованно и умно высказывались его артисты.

На провокации журналистов, вопрошающих о разрыве с Васильевым, Абрамов не поддался: говорил о бывшем соратнике вежливо, упирая в основном на творческие, а не на личные разногласия. По словам Абрамова, за много лет все резервы художественного взаимодействия исчерпаны, а в таких случаях всегда лучше разойтись. Звучащая в кулуарах тема парижского интервью Васильева, где он вроде бы сказал о прекращении финансирования своего театра, а потом прямо из Франции прислал факс Абрамову о прекращении сотрудничества, затронута в разговоре не была. Так же, как и разногласия конфликтующих сторон в понимании производственных обязанностей Абрамова как режиссера по сценическому васьильевских артистов.

Как бы то ни было, но театр пластической импровизации Геннадия Абрамова жив. Планирует играть «Кровать» у Левитина, Райхельгауза и на сцене театра «Модерн», где и состоится премьера. Труппа расширилась с 10 до 19 человек, приняв стажеров. Для них, как и для «стариков», будет сделан отдельный репертуар: гоиевские «Капричос» — старшим, «Корабль дураков» — младшим. Из Голландии придет на постановку Ян Лангедейк — работы этого мастера данс-театра (не так давно мы видели одну из них на фестивале современной хореографии Нидерландов) созвучны поискам самого Абрамова.

...Посередине маленькой сцены театра «Модерн» — кровать. Или нары — поскольку сооружение из металла, двухэтажное, с голыми холодными пружинами. Обитатели «кроватьного» мира живут и в тесноте, и в обиде. Впрочем, можно посчитать и совсем наоборот: композиции для трех человек (Ольга Голубева, Евгения Козлова, Дмитрий Неживов) выстроены Абрамовым многослойно. Это качество, созвучное идеям фантастики (или философии) — необъятности большого, скрытая в малом, — очень удастся режиссеру, так же было в его предпоследнем спектакле «Стая». Воспринимать пластику безмянных героев, одетых кто во что горазд — мехом, мехом куртки, кожаные

су): понятия ГУЛАГа, коммуналки, «совка», христианства, поиска Вечного Света в собственной душе, абсурда, казармы, любви, секса, аскетизма (все вместе и по отдельности) и вообще понимания жизни — по линии ее «невыносимой легкости». В то время как многие наши творцы хореографии и пластики тонут в собственной постановке под тяжестью взваленных на себя «идей», затягивая с собой и зрителя, Абрамов делает строгий, очень экономный в пластических средствах спектакль, где «движенческие» идеи создают трактовки, а не наоборот. Делает без разжевывания и буквальности. На уровне колебаний эмоциональных состояний, а не упертых в одну точку «символов».

Постановщик предпослал спектаклю обобщающий анонс — «Подвижные игры для трех персонажей». Но, верный своей теории обрядовой, а значит, объективно не разъятой на отдельные смыслы, природе театра вкупе с идеей о национальном характере как «манере понимать вещи» — он парадоксально всегда приветствует субъективное понимание. Основа его эстетики — актерская импровизация на заданную тему. Артист — царь и бог абрамовских спектаклей. Он предлагает, варьирует, свободно взаимодействует с другими. «Кровать» и кровать — это место, где воплощено как будто бескрайнее воображение исполнителей: можно исписать страницы простым описанием действиями, совершаемым персонажами лично, друг с другом и с кроватью, трансформируемой по ходу действия во что-то или в нечто. Под звуки современной музыки для органа, похожей на ультразвук.

Очень медленно «вытянулись» из общей кучи. Залезли. Сели. Легли. Мгновенно встали. Переместились. Спрыгнули. Растолкали друг друга локтями и бедрами. Соединились. Разрушили кровать и соорудили: клетку, крылья, котурны, мост, барьер, трон и т.д. Балансировали на грани падения. Перешли грань. Посмотрели в глаза и насквозь. Расплели волосы и «сняли» одежды. Оделись. Ударились о столб сбоку сцены. Застыли в неподвижности.

И заставили неотрывно внимать в нюансы действия. И проникнуться интересом. Лично я выдвинула бы этот спектакль Геннадия Абрамова на следующую «Золотую маску». ■